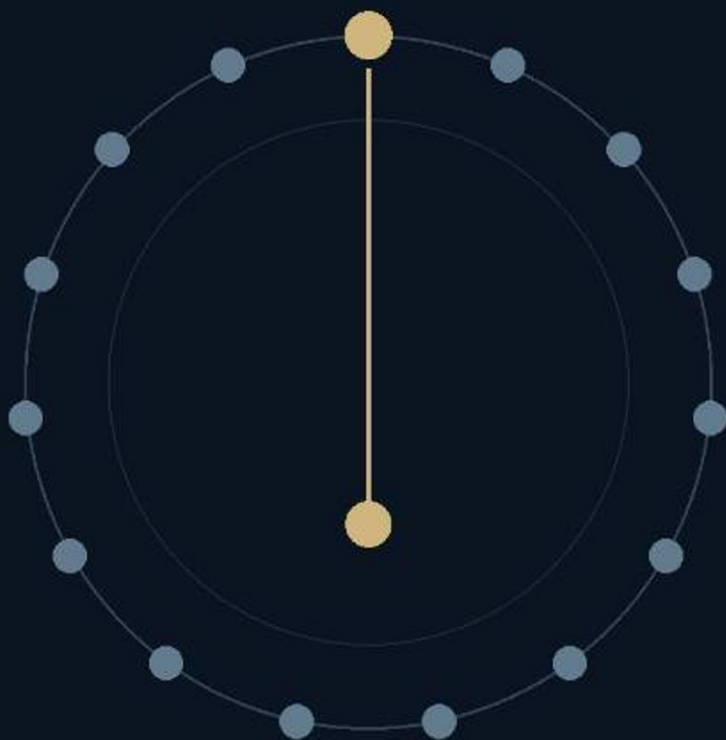

АЛЕКСАНДР ПОПОВ

Попов Александр Анатольевич

ПОСЛЕДНЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

РОМАН

Пятнадцать участников.

Одна последняя жизнь.

18+

Александр Попов

Последнее воплощение

«Автор»

2026

Попов А. А.

Последнее воплощение / А. А. Попов — «Автор», 2026

После гибели в магазине участник эксперимента Фёдора Нежевского приходит в себя в теле младенца. Он взрослеет с памятью о прежней жизни и пытается понять, что произошло. Но дар, обещающий победу над смертью, делает его мишенью для людей, которые научились превращать чужие тела в ресурс. Поиск пропавшего друга приводит к тайне пятнадцати испытуемых. Чтобы остановить тех, кто распоряжается чужими жизнями, герою предстоит разобраться в природе переноса сознания и решить, чем он готов пожертвовать сам. «Последнее воплощение» — фантастический триллер о памяти, цене бессмертия и праве человека на собственную жизнь.

© Попов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо в магазине	5
Глава 2. Тьма и чужое рождение	10
Глава 3. Чужое детство	14
Глава 4. Прошлое отвечает	17
Глава 5. Вечеринка	21
Глава 6. Дорога в неизвестность	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Попов

Последнее воплощение

Глава 1. Письмо в магазине

В то утро смерть показали по телевизору раньше прогноза погоды.

Я услышал выстрелы, пока чистил зубы. Сначала решил, что сосед снова смотрит боевик на полной громкости, но между очередями заговорила ведущая — быстро и слишком ровно, как говорят люди, которым запретили пугаться в прямом эфире.

На экране дрожала запись с уличной камеры. Мужчина в тёмной одежде шёл посреди проезжей части и стрелял короткими очередями. Люди скрывались в подъездах и за машинами, остановка осыпалась стеклом. Через минуту улица опустела. Остались брошенная детская коляска, перевёрнутый велосипед и тёмные пятна на мокром асфальте.

Кадр перескочил. На стене дома вспыхнул зелёный отблеск, распался на несколько радужных полос и пропал.

— Вероятно, дефект записи, — сказала ведущая. — В городе введён план перехвата. Просим жителей не покидать дома без необходимости.

За окном висело тяжёлое серое небо. Дождь никак не начинался, хотя, казалось, только он и мог привести улицы в порядок.

По стеклу всё же ударили две редкие капли и остановились, оставив пыльные дорожки. Город тоже будто начал что-то делать и передумал.

Я выключил телевизор и доел яичницу.

Остаться дома было разумно. Ещё разумнее было не открывать магазин, когда по району ходил человек с автоматом. Но разум не платил аренду, не закрывал налоговый долг и не объяснял поставщику, почему я третий месяц задерживал перевод. На двери магазина висела моя фамилия, в кладовой лежал товар, купленный в кредит, а в ящике стола — последнее уведомление из налоговой. Если бы я не открылся, никто не разорился бы, кроме меня.

На пути к работе меня остановили дважды. Полицейские сверяли лица с мутным снимком, заглядывали в салон и отпускали. Стрелок на фотографии мог быть кем угодно: смуглая кожа, короткие волосы, тёмная куртка. Чётко камера поймала только тонкий шрам, пересекавший правую бровь.

К десяти утра я поднял решётку и перевернул табличку на двери. За стеклом было написано «Открыто», хотя покупателей на улице не было. Я включил компьютер, проверил счёт и сразу закрыл банковскую страницу. Цифры обладали неприятным свойством: сколько на них ни смотри, меньше они не становились.

Деньги привели меня и к Фёдору Нежевскому.

Полгода назад он представился исследователем памяти. Нашёл меня через объявление о подработке и предложил сумму, которой хватало, чтобы удержать магазин на плаву. Нужно было приезжать в лабораторию, проходить тесты и принимать белые таблетки без маркировки. Я спросил о побочных эффектах. Нежевский ответил, что, если бы знал их все, ему не потребовались бы добровольцы.

Честность у него была особенная: вместо успокоительной лжи он выдавал ровно столько правды, чтобы нормальный человек встал и ушёл. Я остался.

В лаборатории нас никогда не собирали вместе. Я видел только металлический поднос с одинаковыми футлярами. На моём была наклейка FLABER. Нежевский называл это кодом участника и отказывался объяснять, почему выбрал именно такое слово.

— Номера слишком легко поставить по порядку, — сказал он однажды. — А мне нельзя думать, что один человек важнее другого.

При этом он трижды пересчитал футляры. Их было пятнадцать.

После двух месяцев приёма я стал лучше запоминать мелочи: номера машин, цены, голоса покупателей. Никакого внезапного гения не появилось. Зато начались головные боли, и Нежевский всё чаще смотрел не на результаты тестов, а на календарь. Последний раз он несколько раз повторил: «Восемьсот сорок пять. 6739РК», — потом велел больше не приезжать, пока сам не позвонит.

Он не позвонил.

На последнем приёме Нежевский был не похож на человека, заканчивающего удачный опыт. Обычно его стол исчезал под распечатками, стаканами и разобранными датчиками. В тот день поверхность была пустой, а документы лежали в двух запертых металлических ящиках.

Он закрепил на моих висках электроды, включил нейросканер и пять минут смотрел на бегущие линии.

— Вы стали видеть сны иначе? — спросил он.

— Они стали длиннее. Или я лучше их помню.

— Чужие места? Люди, которых вы не знаете?

— Нет. Всё моё.

Он не обрадовался ответу и не разочаровался. Только поставил отметку в журнале.

— А если однажды вы проснётесь и будете помнить жизнь другого человека, как поймёте, кто из вас настоящий?

— Проверю документы.

— Документы подтверждают тело.

— Спрошу близких.

— Они подтвердят его прошлое, не ваше.

— Тогда зачем вы спрашиваете, если правильного ответа нет?

Нежевский снял очки и долго протирал их краем халата.

— Потому что приборы измеряют активность, но не говорят, кому она принадлежит. Мы привыкли считать сознание свойством мозга. Это удобно. Удобные предположения опасны тем, что их перестают проверять.

Он подошёл к подносу с футлярами. Два места пустовали. Я тогда решил, что другие участники уже получили дозы.

— Их пятнадцать? — спросил я.

— Было пятнадцать добровольцев.

— Было?

Нежевский резко закрыл крышку подноса.

— Оговорился. На сегодня закончили.

У двери он остановил меня и впервые пожал руку. Ладонь была холодной.

— Если я попрошу вас прекратить приём, вы прекратите?

— Если выплатите остаток.

— Выплачу.

— Тогда прекращу.

Уходя, я ещё раз посмотрел на два пустых места. Они могли означать что угодно: завершённый курс, пропущенный приём, переставленные футляры. Нежевский заметил мой взгляд и закрыл ящик. Спрашивать я не стал.

Колокольчик над дверью звякнул в половине одиннадцатого. Я вздрогнул сильнее, чем следовало.

В магазин вошёл курьер — молодой парень в серой толстовке, с чёрной сумкой через плечо. Он был запыхавшимся, будто бежал последние два квартала.

— Вам письмо. От Фёдора Нежевского.

— Он не мог написать электронное?

— Мне поручили отдать бумажное лично и взять подпись.

Он протянул планшет. Я расписался, получил плотный конверт и заметил на обороте знакомое слово: FLABER. Буквы были выведены рукой Нежевского — слишком прямые, словно он пользовался линейкой даже там, где она не требовалась.

— Когда вам его передали?

— Утром. Мужчина в возрасте, не сам отправитель. Больше ничего не знаю.

Курьер ушёл. Колокольчик качнулся ещё два раза и замер.

В конверте лежал один лист.

«Наше сотрудничество окончено. Оставшиеся деньги переведены на ваш счёт. Я прошу прощения за опыт, на который вы согласились, не имея возможности понять его последствия. Я тоже их не понимал.

Один из участников вернулся. Его лицо было чужим, но он помнил то, чего не мог знать. Я проверил. Ошибки быть не должно — и всё же я надеюсь, что ошибся.

Если с вами произойдёт что-либо необычное, не доверяйте одной только памяти. Память можно украсть, изменить или принять за свою. Ищите то, что можно проверить независимо.

Я не знаю, что именно сделал.

Если вам понадобится проверить сообщение, произнесённое от моего имени, помните два значения: 845 и 6739РК. Их смысл нельзя сообщать в одном письме.

Простите.

Фёдор Нежевский».

Я перечитал письмо. Потом ещё раз, медленнее.

Фраза «один из участников вернулся» не становилась понятнее. Откуда вернулся — из больницы, из командировки, с того света? Последнее объяснение подходило Нежевскому больше остальных, но только потому, что в лаборатории он любил задавать вопросы, после которых хотелось проверить, заперта ли дверь.

Я открыл банковское приложение. Перевод действительно пришёл. Сумма была больше обещанной втрое.

Это напугало меня сильнее письма.

Люди доплачивают за две вещи: за срочность и за молчание. Иногда — наследникам.

Я проверил входящую операцию. Деньги прошли через фонд, находившийся в ликвидации, а платёж был зарезервирован ещё два месяца назад. Назначение состояло из одного слова: «Компенсация». Вернуть перевод приложением не получилось — счёт отправителя уже закрывали. Я распечатал квитанцию и положил её к письму. Если Нежевский ждал беды, бумага могла пережить то, что легко удалить с сервера. Тогда эта осторожность казалась мне почти смешной.

Я набрал номер Нежевского. Сеть ответила, что абонент недоступен. Попробовал ещё раз и услышал то же самое.

На улице завывала сирена. Звук приблизился, прошёл мимо и оборвался где-то за перекрёстком. Я подошёл к витрине. Полицейская машина встала поперёк дороги, за ней остановился чёрный микроавтобус без опознавательных знаков. Люди в бронежилетах рассредоточились вдоль домов.

Телефон завибрировал. Не Нежевский — служба городского оповещения.

«Оставайтесь в помещении. Не приближайтесь к окнам».

Я как раз стоял у окна.

Колокольчик над дверью ударил так резко, будто его сорвали с крепления.

Мужчина с фотографии влетел внутрь и захлопнул дверь. Автомат он, видимо, бросил во время погони: теперь в руке был только пистолет. Лицо больше не скрывала помеха. Ему

было около тридцати; кожа смуглая, правую бровь пересекал светлый шрам. На тёмной куртке блестели капли — не все были дождевыми.

— Назад, — сказал он.

Я отступил к прилавку.

Он говорил без одышки, хотя только что бежал. Не выглядел ни испуганным, ни загнанным. Скорее раздражённым человеком, которому окружающие опять испортили хороший день.

Свободной рукой он достал из кармана плоский чёрный блок, прилепил его к стеклянной двери и нажал утопленную кнопку. По краю блока загорелись три красные точки.

— Это бомба? — спросил я.

— Теперь тебе легче?

— Нет.

— Тогда не трать моё время. Запасной выход.

— Его нет.

Он посмотрел на меня, потом на стены.

— У магазина техники нет второго выхода?

— Я сэкономил на помещении.

Угол его рта дёрнулся. Возможно, он улыбнулся.

С улицы донёсся усиленный голос:

— Здание окружено! Положите оружие и выйдите с поднятыми руками!

Мужчина опустил сумку на пол и раскрыл её. Внутри лежало устройство размером с толстую книгу: матовый корпус, объектив, складные опоры и отдельный энергетический блок, соединённый кабелем. Он поставил прибор напротив боковой стены и раздвинул штатив.

Я видел много техники — продавал её, ремонтировал, заказывал детали, — но не мог даже предположить назначение половины элементов. Корпус был собран вручную: винты разного цвета, свежие следы пайки, трещина у вентиляционной решётки.

— Отойдите от стены! — снова приказали снаружи. — Штурмовая группа готова войти!

Мужчина включил прибор.

Тот загудел. Внутри что-то быстро набирало обороты. Из объектива ударил тонкий зелёный луч, вокруг которого вспыхнули радужные кольца. Воздух запах озоном и раскалённым металлом.

Луч прошёл по стене сверху вниз. Краска вздулась, но не загорелась. Кирпичи потеряли чёткие края, раствор между ними потемнел, и вся поверхность дрогнула, как плотное желе.

Я забыл о пистолете.

— Что это?

— Чужая работа, — ответил он. — Как почти всё полезное.

На корпусе мигнул красный индикатор. Мужчина выругался, выдернул кабель, сложил опоры и поднял прибор. Перед тем как шагнуть в стену, он заметил раскрытое письмо на прилавке.

Впервые его уверенность дала трещину.

— Где ты это взял?

Я не успел ответить. В дверь ударили снаружи. Стекло пошло белыми прожилками.

Мужчина посмотрел на письмо, на меня и тихо рассмеялся — не весело, а так, будто слышал подтверждение давно известной шутки.

— Значит, старик всё-таки начал предупреждать.

Он шагнул в размягчённую стену. Поверхность обхватила его плечи и сомкнулась за спиной. Через секунду там снова был кирпич — оплывший, горячий, но твёрдый. Только на полу осталась чёрная капля расплавленной изоляции.

Снаружи ударили ещё раз.

Я выдохнул. Пистолет исчез. Преступник исчез. Я остался жив.

В этот момент красные точки на блоке у двери замигали быстрее.

— Стойте! — закричал я.

Третий удар выбил замок. Дверь распахнулась внутрь вместе с рамой. Первый боец в чёрном шлеме увидел меня за расколотым стеклом. Я схватил блок обеими руками, пытаюсь оторвать его от створки.

— Бомба! Не входите!

Наверное, он услышал только последнее слово. Или увидел в моих руках чёрную коробку.

Выстрел прозвучал сухо. Удар развернул меня, и плечо сразу перестало быть частью тела. Я упал на спину, всё ещё сжимая блок. Надо мной мелькнули потолочные лампы, лица за прозрачными щитками, край раскрытого письма на полу.

Прибор на двери издал высокий писк.

Кто-то крикнул: «Назад!»

Я подумал, что Нежевский оказался прав только в одном: всё действительно пошло не так.

Потом магазин стал белым.

А затем не стало ничего.

Глава 2. Тьма и чужое рождение

Сначала я решил, что ослеп.

Решение было почти утешительным. Слепота предполагала глаза, повреждённые взрывом, а значит, и всё остальное: тело, больничную койку, врачей, время. Но у меня не было глаз. Я не видел тьму — я находился в ней, не отличая её от себя.

Я попробовал пошевелить рукой и не нашёл руки.

Попытался вдохнуть. Воздух не вошёл, однако удушья не наступило. Сердце не билось. Плечо, простреленное у двери магазина, не болело. Я помнил удар пули, белый свет взрыва, письмо на полу — и не чувствовал ничего, чем можно было бы подтвердить собственное существование.

Я умер.

Мысль прозвучала спокойно. Страх пришёл позже, когда я понял, что спокойствие тоже осталось со мной.

Я позвал на помощь. Голоса не было. Тогда я закричал без голоса, и крик ничем не отличался от молчания.

В темноте невозможно было определить, сколько времени прошло. Чтобы заметить минуту, нужны два разных события: сначала одно, потом другое. Здесь не происходило ничего. Я мог считать, но числа быстро потеряли смысл. После тысячи шла тысяча один, затем я сбивался и начинал сначала. Может быть, между двумя числами проходила секунда. Может быть, год.

Я удерживал последние воспоминания, перебирая их одно за другим.

Магазин. Колокольчик. Конверт. Зелёный луч. Мужчина со шрамом. Фраза: «Значит, старик всё-таки начал предупреждать».

Нежевский.

Имя держалось дольше моего собственного. Я попытался назвать себя и не смог. В памяти были документы, подписи, чужие обращения, но стоило приблизиться к имени, как оно распадалось. Я знал, что владел магазином, не любил вставать рано, задолжал государству и продал здоровье за несколько белых таблеток. Знал устройство старого системного блока, вкус утреннего кофе и дорогу от дома до работы. Но человека, с которым всё это происходило, будто стёрли с фотографии, оставив фон.

На футляре в лаборатории было написано FLABER.

Флабер. Не имя — метка. Всё же я повторял её, потому что другой не осталось.

Постепенно воспоминания начали уходить. Не исчезать совсем, а отдаляться, как дома за окном поезда. Я пытался удержать лицо матери из первой жизни и видел только светлое пятно. Не мог вспомнить, когда умер отец. Забыл голос женщины, которую когда-то любил, хотя был уверен, что такая женщина существовала.

Зато письмо Нежевского оставалось чётким.

«Один из участников вернулся».

Вернулся куда?

Если это было посмертие, оно оказалось удивительно плохо организовано. Никто не спрашивал о моих поступках, не предлагал выбрать дверь, не объяснял правила. Я остался наедине с сознанием, а сознание без мира быстро стало пожирать само себя.

Я попробовал создать событие.

Представил точку света.

Сначала ничего не изменилось. Потом впереди — если у этого места вообще имелось направление — возникла слабая искра. Я потянулся к ней мыслью. Искра разрослась, и вместе с ней появилась земля под босыми ногами.

Я стоял на траве у посёлка, где когда-то проводил лето. Слева темнело озеро, справа дымились куча сухих веток. У изгороди щипала траву старая лошадь. Солнце грело лицо, ветер шевелил рубашку. После бесконечной пустоты мир ударил по мне запахами: дымом, водой, конским потом, нагретой пылью.

Я присел и коснулся земли. Между пальцами остались влажные крупинки. Всё было настоящим настолько, насколько настоящим могло быть место, появившееся по моей просьбе.

На крыльце крайнего дома сидела женщина. Я знал, что должен узнать её, и боялся подойти. Лицо было скрыто тенью.

— Кто вы? — спросил я.

Женщина не ответила.

Я приблизился. Черты не проявились. Вместо глаз, губ и морщин оставалась ровная, телесного цвета поверхность. Я не помнил лица — и созданный мир не мог его придумать.

Посёлок дрогнул.

Лошадь застыла с одинаково повторяющейся травинкой во рту. Вода на озере остановилась. Дым над костром превратился в серую ленту.

Я оглянулся на дорогу, пытаюсь увидеть, куда она ведёт. За поворотом не оказалось продолжения. Дома были только фасадами, деревья — зелёными пятнами без отдельных листьев. Чем внимательнее я смотрел, тем быстрее всё рассыпалось.

Солнце погасло последним.

Я снова остался во тьме, но теперь знал: она могла отвечать. Или это отвечала моя память, замыкая меня внутри того немногого, что ещё сохранялось.

Тогда я заметил свет.

Он не был точкой, созданной мной. Далеко — или совсем рядом — возник узел белого сияния. От него расходились тонкие нити. Одни вспыхивали и тут же обрывались. Другие тянулись дольше, и вместе с ними до меня доносились обрывки ощущений.

Холодная вода на коже.

Вкус крови.

Чужой страх.

Запах лекарства.

Я не знал, куда вели нити и принадлежали ли ощущения живым людям. Одна принесла сильное сердцебиение и тут же оборвалась. Другая обожгла жаром, третья оставила чужой страх. Я попытался отдалиться от узла, но в этом месте намерение ничего не значило. У меня не было ни шага, ни руки, ни даже направления, в котором можно отступить.

Нити появлялись и исчезали сами. Их становилось больше. Они проходили сквозь меня, не задерживаясь, пока одна тонкая связь не вспыхнула теплом: быстрый ритм сердца, воздух на мокрой коже, мир без названий.

Я не приблизился к ней. Это она рывком притянула меня. Остальные нити погасли, а тьма сжалась вокруг единственного оставшегося ощущения. Никакого выбора мне не предложили.

Я попытался удержать хотя бы границу между собой и теплом. Она исчезала. Чужой ритм становился моим, незнакомые сигналы превращались в голод, холод и потребность вдохнуть. Последней отдельной мыслью было имя Нежевского. Я хотел потребовать объяснений, но для требования нужен был голос, а у меня уже появлялся другой — слабый, ещё не умеющий произносить слова.

Что-то встретило меня на полпути.

Не лицо, не мысль, не сформированный голос. Короткая вспышка присутствия — слабая и живая. Она была там до меня. Я успел это почувствовать, но не успел понять.

Светящийся узел раскрылся.

Тьма рванулась назад.

Мир вернулся сразу — холодом, звуком, болью и светом.

Воздух снова наполнил непривычно маленькие лёгкие. Сердце колотилось так быстро, что удары сливались. Надо мной двигались белые пятна, огромные лица и металлические лампы. Кто-то держал меня под спину и затылок.

Я попытался спросить, где нахожусь.

Из горла вырвался пронзительный плач.

Женщина в маске улыбнулась.

— Вот и снова голос подал. А минуту назад так затих, что я испугалась.

Она сказала это кому-то за пределами моего зрения. Я хотел повернуть голову и не смог. Шея не держала её. Руки металась перед лицом, не подчиняясь намерению; пальцы сжимались сами. Я знал, как поднять ладонь, как коснуться носа, как указать на дверь, но между знанием и мышцами не было привычной дороги.

Меня завернули в ткань. Простое движение лишило руки и ноги даже бесполезной свободы.

— Родион Владимирович, можете подойти. Только осторожно.

В поле зрения появилось мужское лицо. Молодой человек смотрел на меня так, словно до этой минуты не знал, что способен бояться и радоваться одновременно. За его плечом лежала бледная женщина. Волосы прилипли к вискам, губы дрожали от усталости.

— Покажи мне его, — попросила она.

Меня положили ей на грудь.

Она коснулась моего лба одним пальцем. От прикосновения по телу прошла волна, совершенно несоизмеренная движению. Этот организм отвечал на тепло раньше, чем я успевал решить, нравится оно мне или нет.

— Андрей, — сказала женщина. — Всё-таки Андрей.

— Мы же ещё не решили, — тихо возразил мужчина.

— Теперь решили.

Он усмехнулся и осторожно провёл пальцем по моей сжатой ладони. Пальцы разжались сами и ухватились за него.

— Сильный, — сказал он.

Я хотел отпустить. Не получилось.

На стене работал телевизор, но я видел только движущиеся цветные пятна. Медсестра прибавила звук. Ведущая назвала улицу и номер дома — адрес моего магазина.

— ...взрыв произошёл сегодня около одиннадцати часов, — сказала ведущая. — Личность владельца устанавливается. По предварительным данным, он погиб на месте. Розыск вооружённого преступника продолжается.

Сегодня.

Не через год. Не в другой эпохе. Пока моё прежнее тело лежало под обломками, я цеплялся крошечной рукой за палец человека, впервые увидевшего во мне сына.

Я попытался удержать эту мысль, но тело потребовало другого. Желудок сжался, рот сам открылся, плач перекрыл новости. Женщина — моя новая мать, хотя я ещё не мог принять это слово, — прижала меня ближе. Я чувствовал удары её сердца. Для нового тела этот ритм означал безопасность; для меня каждый удар был ещё одним доказательством невозможного.

Пришёл врач. Посветил в глаза, проверил рефлексы, послушал грудь. Когда молоточек коснулся колена, нога дёрнулась без моего разрешения.

— Реакции хорошие, — сказал он. — Краткая остановка активности сразу после рождения могла быть следствием гипоксии. Сейчас причин для тревоги нет.

— Он будто изменился, — тихо сказала мать. — Сначала смотрел совсем иначе.

Врач улыбнулся привычной улыбкой человека, который много раз слышал от родителей, что их ребёнок особенный.

— За первые минуты они все успевают измениться.

Он ошибался и одновременно был ближе к правде, чем кто-либо в комнате.

Я следил за ним, пока он заполнял электронную карту. На экране появились дата и несколько строк, но глаза не удерживали резкость. Я слышал обрывки — «после рождения», «несколько минут», «активность восстановилась» — и пытался расположить их в правильном порядке.

Не получилось. Новый мозг отвечал на усилие болью. Свет вокруг ламп расплылся, слова потеряли связь, а короткая вспышка чужого присутствия у светящейся нити превратилась в ощущение, которому я не умел дать название. Я решил, что врач говорит об обычной реакции младенца. Это было самое простое объяснение, а на большее меня уже не хватало.

Мир сузился до тепла, голода и голоса матери. Сознание отключилось не как взрослый сон, которому предшествует усталость, а мгновенно, будто кто-то вынул питание.

Проснувшись, я не сразу понял, которая из жизней мне приснилась. Разговор врача остался в памяти без последовательности — несколько фраз, лишённых смысла. Позднее я почти перестал о них думать.

Я снова закричал. На этот раз не пытался произнести слова.

— Тише, — прошептала женщина. — Всё уже хорошо.

Она не знала, что было хорошо минуту назад. Не знал и я.

В следующие часы память то возвращалась, то уходила. Я помнил письмо целиком, но не мог восстановить адрес магазина. Видел шрам стрелка, но имя Нежевского иногда исчезало на несколько секунд. Собственное прошлое дробилось на предметы: ключ, кружка, запах пыли из системного блока, пятнадцать футляров. Стоило попытаться связать их, как начиналась боль — не сильная, но глубокая, будто маленький мозг не мог вместить взрослую жизнь.

Я перестал пытаться.

Позже меня унесли в палату с другими младенцами. Они плакали по очереди и вместе, дёргали ногами, засыпали, просыпались. Один ребёнок рядом повернул голову на звук, и я вдруг подумал о вспышке, которую ощутил перед возвращением.

Там кто-то был.

Мысль не укладывалась в слова. Я оттолкнул её, как отталкивал всё, что не мог проверить.

Нежевский написал: не доверять одной памяти.

Значит, первым делом нужно было выжить и научиться собирать доказательства. Для этого требовалось убедить всех вокруг, что я обычный Андрей: плачу, когда голоден, сплю, когда устал, не понимаю человеческой речи.

Это оказалось труднее, чем я предполагал. Взрослый человек редко задумывается, сколько решений за него принимает тело. Моё новое тело пугалось света, захлёбывалось молоком и засыпало посреди важной мысли. Я не мог управлять даже взглядом достаточно долго, чтобы прочитать часы.

Но одно решение принадлежало мне полностью.

Я буду молчать, пока не пойму, что со мной сделали.

Медсестра склонилась над кроваткой. Я посмотрел мимо неё, позволил векам закрыться и впервые изобразил сон.

Тело заснуло раньше, чем я успел испугаться собственного решения.

Перед тем как исчезнуть в этом первом сне, я успел подумать: молчание теперь было единственной частью прежнего тела, которой я ещё умел управлять.

Глава 3. Чужое детство

Изображать младенца было несложно. Сложно было им быть.

Я заранее знал, что однажды начну ходить, но это не помогало удержать голову. Помнил вкус кофе, но питался молоком. Понимал каждое слово родителей и не мог ответить ничем, кроме плача, улыбки или молчания. Первые месяцы тело побеждало меня почти во всём.

Потом начало происходить худшее: я привыкал.

Новая жизнь обрастала собственными событиями, а старая отступала. Лица исчезали первыми. Затем имена. Я всё ещё видел магазин перед взрывом, письмо Нежевского и зелёный луч, но не мог вспомнить квартиру, из которой вышел тем утром. Иногда во сне возвращался голос прежней матери, а проснувшись, я уже не знал, действительно ли слышал его.

Родители называли меня Андреем. Отец, Родион Владимирович, работал техником на транспортной станции. Мать преподавала в начальных классах. Они не имели отношения ни к Нежевскому, ни к магазину, ни к человеку, которым я был. Для них я оказался долгожданным сыном, который слишком внимательно смотрел на взрослых и редко плакал без причины.

В четыре года я впервые допустил ошибку.

Отец пытался починить кухонный очиститель воздуха. Снял кожух, проверил питание и уже собирался заказывать новый двигатель, когда я сказал:

— Там контакт окислился. На второй клемме.

Он замер с отвёрткой в руке.

Мать перестала резать хлеб.

Я тоже замер. Четырёхлетнему ребёнку полагалось просить сок или жаловаться на скуку. Указывать окислившуюся клемму он не должен был.

— Где ты это услышал? — спросил отец.

— В передаче, — ответил я после слишком длинной паузы.

— В какой передаче?

— Про роботов.

Таких передач я не смотрел. Отец это знал, но не стал ловить меня на лжи. Он зачистил контакт, включил прибор, и двигатель заработал.

Вечером я услышал разговор родителей за стеной.

— Он просто запомнил слово, — говорил отец.

— Он не слово запомнил. Он показал место.

— И что ты предлагаешь? Вести его к врачу, потому что он оказался прав?

После этого я научился ошибаться.

В школе скрываться стало труднее. Я прочитывал страницу один раз и мог восстановить расположение абзацев, пятно у края, загнутый угол. Но память не делала меня умнее автоматически. Иногда я видел все данные и не понимал, какие из них важны. Иногда решение приходило сразу, а объяснить его я не мог.

Во втором классе учительница попросила пересказать параграф о круговороте воды. Я повторил его дословно, вместе с опечаткой в подписи к рисунку. Одноклассники засмеялись, а учительница дала мне другую страницу. Я воспроизвёл и её. На третьей в висках начало пульсировать; буквы остались перед глазами даже после того, как книгу закрыли. Я дошёл до последней строки и упал рядом с доской.

В медкабинете мать держала холодный компресс у моего лба. Она преподавала в другом корпусе и пришла раньше врача.

— Ты давно так можешь? — спросила она.

— Не знаю.

— Андрей, я не ругаю.

Я смотрел на шов её рукава и мог сосчитать каждый стежок.

— Страница не уходит, — признался я. — Я закрываю глаза, а она остаётся.

Мать не испугалась, как у кухонного очистителя. Только обняла меня осторожно, чтобы не усилить боль.

— Тогда тебе придётся научиться не смотреть на всё сразу.

Она считала это необычной памятью, редкой, но естественной. Я позволил ей так считать. После того случая перестал намеренно портить ответы: ложь требовала слишком много новых объяснений. Вместо этого задавал вопросы, показывал ход решения и тратил на работу столько времени, сколько мог бы потратить обычный способный ребёнок.

В двенадцать лет я впервые попытался найти прежнюю жизнь. Домашнего доступа было недостаточно, и я пошёл в городскую библиотеку, где сохранялись старые выпуски новостей. Дату взрыва я помнил. Адрес вернулся, когда увидел карту района.

В архиве нашёлся короткий сюжет: разрушенный магазин, трое раненых бойцов, погибший владелец, имя которого скрыли по просьбе родственников. Камера на соседнем доме поймала зелёный отблеск, но файл был повреждён. Вооружённого мужчину не нашли. Внизу страницы стояла ссылка на материалы следствия; при открытии система потребовала допуск, которого у двенадцатилетнего школьника, к счастью, не было.

Я сидел перед экраном, пока библиотекарь не попросил освободить место. Где-то существовали документы о моей смерти, но ни один из них не мог вернуть мне имя. Тогда я впервые понял, что доказать прошлую жизнь самому себе и доказать её другому человеку — разные задачи.

После этого я перестал искать Нежевского открыто. Записывал всплывающие детали на бумаге и прятал листы в старом корпусе компьютера: код 845, 6739PK, пятнадцать футляров, слово FLABER. Я ждал, пока стану достаточно взрослым, чтобы задать вопрос и выдержать ответ.

При этом взрослая память почти не помогала взрослеть телу. Я помнил, как водил машину, но в двенадцать лет заново учился чувствовать сцепление на тренировочном симуляторе. Знал, как наносить удар, и всё равно падал на занятиях, потому что другие были ростом выше. Даже почерк первой жизни не вернулся: рука Андрея выводила буквы по-своему.

Это постепенно успокаивало. Я не был прежним человеком, уменьшенным до детского размера. Новое тело меняло походку, голос, вкусы и скорость реакции. Иногда я любил то, чего раньше терпеть не мог, хотя уже не помнил, что именно ненавидел. К подростковому возрасту вопрос «кто я из двоих» потерял чёткие края. Я был тем, кто помнил обе стороны, пусть одна из них стиралась.

Так прошло детство: я догонял собственное тело и одновременно прятался от людей, которые могли заметить, что сознание бежит впереди него.

Слово FLABER сохранилось лучше многих воспоминаний. Я не знал, придумал ли его Нежевский или оно что-то обозначало. В шестнадцать лет зарегистрировался под этим именем в университетской сети подготовительных курсов. Мне казалось правильным оставить прежней жизни хотя бы одну дверь, которую можно открыть паролем.

Лёша увидел имя в списке участников и тут же начал так меня называть.

— Андрей звучит, как будто тебя сейчас попросят расписаться в ведомости, — объяснил он. — А Флабер — как человек, который либо создаст новый двигатель, либо случайно взорвёт общежитие.

— Обнадёживает выбор вариантов.

— Я ставлю на двигатель. Общежитие мы взорвём вместе.

Он был первым, кому прозвище подошло естественно. За ним его подхватили ещё несколько однокурсников, потом Вика. Для отца я оставался Андреем. Для самого себя — тоже, почти всегда.

Мать умерла, когда мне было семнадцать.

Никакой тайной организации, экспериментальной болезни или необычной технологии. Обычное поздно обнаруженное заболевание. Мир к тому времени умел печатать часть органов, восстанавливать повреждённые нервы и подбирать лекарство по генетическому профилю, но он всё ещё не умел обещать, что конкретный человек проснётся утром.

В последнюю ночь я сидел рядом и держал её за руку. Память записывала всё без спроса: сухое тепло кожи, паузу между вдохами, синюю цифру на мониторе, складку на одеяле. Я хотел забыть хотя бы одну деталь и не мог.

После похорон отец стал говорить тише. Я — меньше.

Он думал, что мы переживаем одну потерю. Я не мог объяснить, что для меня она была второй, хотя первую я уже почти не помнил. Вместо разговора мы выстроили удобный быт: он работал, я учился, по вечерам мы смотрели новости и обменивались замечаниями о сломанном кране или счёте за электричество. Это было похоже на близость, если не смотреть внимательно.

Через месяц после похорон он нашёл меня на кухонном полу. Я пытался разобрать медицинские записи матери, сопоставить назначения, анализы и дни, когда врачи могли заметить болезнь раньше. Память позволяла восстановить каждую её жалобу за несколько лет. Я выстроил десятки вариантов, и каждый заканчивался одним и тем же. Голова не выдержала раньше меня.

Когда я пришёл в себя, отец сидел рядом. На столе лежал отключённый планшет.

— Ты что искал? — спросил он.

— Ошибку.

— Нашёл?

— Несколько. Не знаю, изменила ли бы хоть одна из них что-нибудь.

Он помолчал, глядя на тёмный экран.

— Тогда это уже не поиск. Ты себя наказываешь.

— За что?

— Если бы я знал, было бы проще.

Отец не умел говорить длинно. Он поставил передо мной воду и остался, пока дрожь в руках не прошла. Мы не обсудили мать и не стали ближе в привычном смысле, но с того вечера он следил, чтобы я ел во время учёбы, а я перестал закрывать дверь в комнату. Иногда связь между людьми держалась не на признаниях, а на стакане воды, который приносили без просьбы.

Головные боли после этого не исчезли. Я научился замечать первые признаки: звук становился слишком резким, края предметов — чрезмерно чёткими, мысли начинали ветвиться быстрее, чем я мог проверять выводы. Тогда я останавливался. Память была инструментом, а не доказательством превосходства. Нежевский в своей лаборатории этого правила мне не оставил; пришлось вывести его самому.

Глава 4. Прошлое отвечает

К 2035 году мне исполнилось двадцать четыре.

Утром в день разговора с Лёшей отец молча подвинул ко мне завтрак и обезболивающее. Я не спрашивал, как он заметил начинающуюся перегрузку. Он не спрашивал, почему она вернулась.

На кухонном экране обсуждали расширение программы цифровой идентификации. Ведущий обещал, что единый профиль сократит преступность, ускорит платежи и облегчит поиск пропавших. Под строкой с преимуществами шёл другой выпуск: за месяц в трёх городах ограбили банки, и ни одна камера не записала лица преступников.

— Сначала заставят всех доказывать, что они — это они, — сказал отец, размешивая чай. — Потом потеряют базу и попросят доказать ещё раз.

— Ты же сам работаешь на автоматизированной станции.

— Поэтому и знаю, что автоматика ломается. Люди почему-то думают: если ошибка появилась на красивом экране, она стала умнее.

Он выключил новости и спросил, буду ли я вечером дома. Я ответил, что Лёша устраивает вечеринку.

— Значит, утром не буди меня своим тихим возвращением.

— Тихим?

— В прошлый раз ты три минуты открывал замок, чтобы не шуметь, а потом уронил обувь. Дважды.

Я не помнил, чтобы он тогда проснулся. Отец замечал больше, чем показывал; возможно, эту способность я получил не от таблеток, а от него.

Будущее оказалось не таким, каким его показывали в старых фильмах. Машины не исчезли — просто научились сами парковаться, сообщать о неисправностях и списывать штраф до того, как водитель успевал выругаться. Голограммы существовали, но хорошие стоили как квартира в вымирающем городе. Люди по-прежнему опаздывали, занимали деньги и ругались в очередях; только очереди теперь двигались по электронным номерам.

По дороге в институт дорогие беспилотные такси объезжали квартал, где третий год не могли заменить ливневую трубу. Над закрытыми магазинами крутилась реклама доставки с другого конца страны. Чем совершеннее становилась техника, тем заметнее было, кому она принадлежала. В детстве я думал, что будущее приходит ко всем одновременно. Оказалось, оно распределялось по подписке.

Мы с Лёшей ходили в инженерный институт пешком. Так было быстрее, чем спускаться в перегруженный транспортный узел, и спокойнее: в автобусах тестировали обязательную систему идентификации, которая каждые несколько минут требовала подтвердить личность. Власти называли это защитой от преступности. Лёша называл репетицией ошейника.

— Вчера система не выпустила женщину на её остановке, — говорил он, шагая рядом. — Решила, что лицо не совпало с профилем.

— Может, она действительно была не собой.

— Очень смешно. Её муж подтвердил личность, дети подтвердили, собака подтвердила. Турникет оказался принципиальнее семьи.

Лёша говорил быстро, будто опасался, что мысль уйдёт к другому хозяину, если не успеть высказать её первой. Он одинаково легко разбирался в коде, двигателях и людях, но только первые два признавал вслух. Родители работали за границей, присылали деньги и появлялись на связи по расписанию. Большой дом, в котором он жил один, постепенно превратился в мастерскую с кроватью.

В то утро я хотел попросить его найти Нежевского. Хотел уже несколько месяцев, но каждый раз откладывал. Пока тайна находилась только в моей голове, она принадлежала мне. Стоило назвать имя вслух — и она становилась общей.

— Ты сегодня подозрительно молчаливый, — сказал Лёша.

— Я обычно разговорчивый?

— Нет. Сегодня это выглядит целенаправленно.

Мы вошли в институт. В вестибюле над людьми разворачивалась полупрозрачная лента новостей. На ней снова показывали ограбление банка: серверы отключились на семь минут, камеры записали пустые коридоры, из хранилища исчезли деньги и два контейнера с исследовательскими образцами. Следов взлома не нашли.

На одном кадре стена хранилища блестела так, словно её нагрели изнутри.

Я остановился.

— Что? — спросил Лёша.

— Ничего.

Зелёного света на записи не было. Только оплывший край металла. Этого оказалось достаточно, чтобы память вернула удар в плечо, полученный двадцать четыре года назад.

Я увеличил кадр на ближайшей панели. Металл не был разрезан или взорван: край потерял форму и застыл волной, как кирпичная стена в магазине. Совпадение оставалось возможным, но именно тогда я перестал откладывать поиск. Если устройство стрелка сохранилось, человек со шрамом тоже мог быть жив. А Нежевский, возможно, знал, почему.

Первой парой была биомеханика. Преподаватель вывел над кафедрой модель человеческого тела и дал задание связать работу нервной системы с приводами медицинского экзоскелета. На столах активировались защищённые панели.

Я закончил за девятнадцать минут из отведённых двух часов. Потом вернулся к ответам, убрал два необязательных доказательства и намеренно оставил неточность в схеме обратной связи.

— Зачем стёр? — тихо спросила Вика через проход.

Я повернулся. Она уже отправила свою работу и наблюдала за мной. Длинные тёмные волосы были собраны на затылке, на пальцах остались следы чёрной краски — утром у неё была лаборатория по медицинской робототехнике.

— Передумал.

— Ты не передумал. Ты упростил правильный ответ до почти правильного.

— Разница небольшая.

— Для человека, который хочет казаться обычным, — да.

Она улыбнулась и отвернулась к кафедре, оставив мне неприятное ощущение, что защитная конструкция, которую я строил годами, была прозрачной хотя бы с одной стороны.

После занятия Вика задержала меня у выхода из аудитории.

— Я не собираюсь докладывать преподавателю, — сказала она. — Но мне правда интересно: зачем человеку с правильным ответом нужен почти правильный?

— Полный вывод вызвал бы лишние вопросы.

— Например, откуда студент знает параметры прототипа, которые нам не давали?

Я посмотрел на неё. Она коснулась пальцем своей панели.

— Я тоже дошла до этого места. Только потратила час и запросила данные из лабораторной модели. Ты написал коэффициент по памяти.

— Наверное, видел раньше.

— Наверное. — Вика не стала спорить. — У тебя после таких задач болит голова?

Вопрос оказался точнее, чем мне хотелось.

— Иногда.

— Тогда хотя бы не пытайся одновременно быть самым умным и самым незаметным. Это две разные нагрузки.

Она сказала это без жалости. Поэтому совет не раздражал.

Результаты появились после занятия. У меня было девяносто четыре балла. У Вики — девяносто шесть, и вид у неё был такой, будто два недостающих балла я украл лично.

— Сегодня у Лёши вечеринка, — сказала она в коридоре. — Ты придёшь?

— Если он снова не подключит музыку к системе освещения. В прошлый раз дом моргал ещё двое суток.

— Значит, придёшь.

— Это не следовало из сказанного.

— Я изучаю не только роботов.

Лёша догнал нас у выхода и положил руки нам на плечи.

— Сегодня будет демонстрация, после которой вы оба признаете меня великим.

— Сколько огнетушителей брать? — спросила Вика.

— Ни одного. Оскорбительно, что вы связываете моё величие с пожарами.

— Мы связываем его со статистикой, — сказал я.

Вика ушла в лабораторный корпус. Я проводил её взглядом и понял, что удобный момент снова уходит. Пришлось остановить Лёшу за рукав.

— Мне нужно, чтобы ты нашёл одного человека.

Он сразу перестал улыбаться.

— Законно нашёл или интересно нашёл?

— Фёдор Нежевский. Учёный. Работал под Киевом в 2011 году, занимался исследованиями памяти. Возможно, лаборатория была частной.

— Почему ты сам не посмотрел?

— Смотрел. В открытых источниках почти ничего нет.

— А ты откуда о нём знаешь?

Я приготовил ответ заранее. Поэтому он прозвучал особенно плохо.

— Нашёл упоминание в старых семейных бумагах.

Лёша несколько секунд смотрел на меня.

— У тебя левый глаз дёргается, когда ты врёшь.

— Не дёргается.

— Сейчас нет. Я соврал, чтобы проверить реакцию.

— Найдёшь?

— Попробую. Но если архив закрыт, мне понадобится причина получше семейных бумаг.

— Сначала найди.

Он вздохнул.

— Ладно, Флабер. Сегодня покажу, что получится. Только учти: старые научные реестры закрывают не ради красоты. Если кто-то до сих пор следит за именем твоего Нежевского, он увидит запрос.

— Через двадцать четыре года?

— Хорошие сторожевые программы не стареют. Стареют люди, которые забывают их отключить.

Он ушёл, насвистывая, будто разговор закончился обычной просьбой.

Я остался у входа. Над вестибюлем снова прокручивали запись из банка. Оплывшая сталь блеснула и исчезла за рекламой новой системы всеобщей идентификации.

Две детали ещё не составляли доказательство.

Но впервые за двадцать четыре года прошлое не просто вспомнилось. Оно ответило.

До вечеринки оставалось шесть часов. Этого времени Лёше обычно хватало, чтобы найти проблему, открыть её и сделать вид, что дверь уже была сломана до него.

Через двадцать минут он прислал сообщение: «Нашёл Нежевского. Всё страннее, чем ты сказал. В сеть не пиши. Покажу вечером».

Я перечитал его трижды. Потом экран погас, а отражение в нём осталось моим — молодым лицом Андрея, которое никогда не видело магазин и всё же помнило, как там умерло.

Глава 5. Вечеринка

Музыку у Лёши было слышно с другой стороны улицы. Я ещё стоял у калитки и пытался решить, стоит ли входить с таким лицом, когда дверь распахнулась.

— Ты вовремя. Я как раз собирался отправить за тобой поисковый отряд, — сказал Лёша. На нём была рубашка кричащей расцветки, а под глазом темнела полоска машинной смазки. — Отряд из меня одного, но с очень хорошей картой.

Он схватил меня за плечо и втянул в дом. В прихожей лежали чужие куртки; из гостиной доносились басы и отдельные обрывки голосов. Я вставил в ухо маленький наушник с фильтром шума. Теперь слова людей, подключённых к общей сети, звучали отчётливо, а музыка чуть отступила. Лёша заметил движение.

— Только не выключай танцпол, ладно? Отец и так уверен, что я превращу дом в лабораторию.

— Полагаю, к этой стадии ты уже подошёл.

— Тогда смотри, что вышло.

Посреди комнаты танцевал синий человек без лица. Лучи проекторов скрывались в потолочной отделке. Фигура двигалась в такт музыке, уклонялась от гостей и иногда наступала на свободное место раньше, чем туда успевал шагнуть кто-нибудь живой. Лёша следил за моим взглядом, как за показаниями прибора.

— Полгода, — сказал он. — Если я продам его клубу, от тебя наконец отстанут просьбы одолжить мне денег.

— Я ни разу тебе не одалживал.

— Именно. Очень последовательная дружба.

Он рассмеялся и растворился в толпе. Я остался у стены, где было видно и двери, и лестницу. Привычка искать выходы испортила мне не одну вечеринку. В 2011-м запасного выхода в моём магазине не оказалось; память сама выбирала, на что смотреть в любом новом помещении.

— Ты пришёл инспектировать пожарную безопасность? — спросила Вика.

Она стояла рядом с двумя стаканами воды. Один протянула мне. Чёрные волосы она собрала в небрежный узел, и выбившаяся прядь цеплялась за серьгу.

— А где акт осмотра?

— Сперва мне нужно проверить, не представляет ли опасности главный экспонат.

— Ударь его.

Я посмотрел на синего человека. Тот повернул голову в нашу сторону, хотя лица у него не было.

— Ты уже пробовала?

— Я не хочу лишать тебя удовольствия открытия.

Я подошёл и коснулся фигуры ладонью. Она рассыпалась на множество светлых точек; несколько гостей вскрикнули, а Лёша с противоположного края зала поднял обе руки, принимая аплодисменты. Точки собрались на пустом участке пола, и танцор продолжил движение с того же шага.

— Теперь он боится тебя, — сказала Вика.

— Разумно с его стороны.

Она допила воду и поставила стакан. Когда композиция сменилась, Вика взяла меня за руку. Я сначала сделал шаг не в ту сторону, потом второй — тоже. Она не отпустила.

— Ты всё время считаешь, — заметила она.

— И пока плохо выходит.

— Можно просто слушать.

Я попробовал. Ритм не был сложным; сложным было позволить себе не угадывать следующий такт. Вика двигалась легко, иногда смеясь над нашими ошибками. На несколько минут я перестал держать лестницу в поле зрения. Когда музыка оборвалась, я обнаружил, что помню не её рисунок, а тепло Викиной ладони.

Лёша коснулся моего локтя.

— Нам навстречу. Есть новости, после которых вечеринка может показаться скучной.

В своей комнате он запер дверь, выключил музыку на наушнике и сдвинул со стула стопку старых плат. Три монитора горели открытыми окнами. На одном — газетная заметка о смерти Фёдора Нежевского в мае 2012 года; через неделю после убийства его лаборатория сгорела при взрыве. На другом — таблица с пятнадцатью строками, вместо имён стояли коды. Третий показывал предупреждение о закрытом доступе.

— Это не обычная база жителей, — сказал Лёша. — Я начал там, где ты просил, и наткнулся на ссылку на старый научный реестр. Кто-то удалил публичные записи, но индекс оставил. Наверное, для своих. Владелец указан как Нежевский.

Он щёлкнул по строке. Половина знаков исчезла; на экране появилось требование повторной авторизации.

— Вот поэтому я позвал тебя. Что означает «Флабер»?

У меня похолодели руки. Это слово значилось в поле, которое Лёша успел сохранить снимком экрана. Лабораторный псевдоним, произнесённый мною однажды перед камерой. Двадцать четыре года я не слышал его вне собственной памяти.

— Где ты это нашёл?

— Ты попросил разыскать человека, погибшего до твоего рождения. Из его реестра выпало имя, которое иногда используешь ты. Один шанс на случайность ещё бывает, два — уже разговор. Кто ты ему был?

Я сел на освобождённый стул. На экране отражалось моё лицо — лицо Андрея, которого Нежевский никогда не видел. Сказать правду означало отдать кому-то единственную защищённую часть своей жизни. Лёша ждал, и его обычная торопливость исчезла.

— Он испытывал на мне препарат, — сказал я. — В другом теле. Я умер летом 2011-го. Когда пришёл в себя, я родился несколько минут назад.

Лёша не засмеялся. Он закрыл окно реестра и спросил:

— Ты уверен, что не вспоминаешь чужой рассказ?

Я описал магазин, письмо, стену, ставшую мягкой под лучом устройства. Назвал царя-пину на латунной табличке Нежевского и набор цифр, который он однажды проговорил при мне, а потом попросил забыть. Некоторые воспоминания приходили с трудом. Последние часы прежней жизни лежали в памяти с болезненной чёткостью.

— Я не могу это доказать тебе сейчас, — закончил я.

— Можешь начать, — ответил Лёша. — Цифры повтори.

— Шесть, семь, три, девять, русская «эр», «ка». Не вводи их никуда.

Он уже поднёс пальцы к клавиатуре и убрал их.

— Ладно. Если ты врёшь, то очень последовательно. Если нет, за этой таблицей охотится не только моя дурная привычка. При первом запросе меня перебросило через два закрытых узла. Потом один из них попросил идентификатор моего компьютера. Я отключился, но не сразу.

— Уничтожь копию.

— Не могу. Сам индекс стёрся, я успел сохранить только этот снимок и журнал соединений. Я вынесу их на отдельный носитель. А тебе надо решить, кому ещё рассказывать.

Снизу раздался короткий сигнал дверного звонка — три удара, которые Лёша поставил вместо обычной трели.

— Сначала найди адвоката, — сказал я.

— Шутка не смешная.

— Я знаю.

Из коридора донёлся голос Вики. Она звала Лёшу: в дом пришли люди в форме Службы общественной безопасности. Лёша быстро вынул из компьютера миниатюрный носитель.

— Я ничего не буду говорить про тебя, — сказал он.

Мне захотелось попросить его закрыть дверь и переждать. Но лестница была одна, а голоса уже поднимались. Я выскользнул в нишу за книжным стеллажом в коридоре. Сквозь щель увидел двоих: высокий Сэм держался на расстоянии от двери, коренастый Артур присел и пустил под неё плоский зонд. У Сэма в руках был прибор размером с телефон, с выступающей оптикой. Я знал, что стены он видел не так, как мы.

— Алексей, откройте, пожалуйста. Вопрос о несанкционированном доступе к закрытому реестру, — ровно сказал Сэм.

— Вопрос можно задать письменно, — ответил Лёша из комнаты.

Артур посмотрел на экран ПСкая.

— Он достал что-то из разъёма. Выбить дверь?

— Подождите, — сказал Сэм, обращаясь к Лёше. — Если вы сотрудничаете, формальности займут меньше времени.

На лестничной площадке под потолком вращался танцор, уменьшенный до размеров детской игрушки: Лёша, видно, вывел его для пробы и забыл отключить. Его мерцание путало картину на экране. Зонд Артура смотрел на стол, окно и компьютер; узкая ниша за толстым стеллажом оставалась за его углом обзора. Это я различал глазами, а о пределах прибора мог только догадываться.

Дверь щёлкнула. Артур вошёл первым. Через секунду я услышал звук открывшегося окна, потом Лёшин голос:

— У вас есть ордер?

— У нас есть основания предполагать, что вы сохранили данные, опасные для окружающих, — ответил Сэм.

Мне знакомо было такое спокойствие. Человек с ПСкаем в магазине тоже не кричал, пока не услышал шаги снаружи. Но здесь его прибор был тоньше, тише. Тот расплавлял стену с надрывным жужжанием; этот показал Артуру точку на экране, и тот вытянул руку к окну.

Через несколько минут они вывели Лёшу в наручниках. Вика стояла у основания лестницы. Я спустился другой стороной, смешался с двумя уходившими гостями и снова оказался рядом с ней.

— Что произошло? — спросила она.

— Я ещё не знаю.

Лёша увидел меня. В его взгляде не было просьбы о помощи, только короткое, злое узнавание: ты знал, что такое возможно. Он ничего не сказал. На улице Артур нашёл выброшенный носитель в кустах, просканировал его, пожал плечами. Сэм даже не взглянул на находку. Они затолкнули Лёшу в серую машину без регистрационного знака; из приоткрытого окна он крикнул, что это не настоящая СОБ. Дверь захлопнулась прежде, чем кто-либо успел отозваться.

Я стоял у окна и не пошёл к ним. Я видел ПСкай. Я знал, что эти люди опасны, и остался у окна.

Вика первая отошла от стекла.

— Надо звонить в службу.

— Да. Но сначала сохраним запись камер и журнал двери. Машина была без номера.

Я выключил музыку и объяснил гостям, что вечеринка кончилась. Несколько человек возмутились; Вика показала им пустое место за воротами и сказала, что хозяина увезли. После этого даже самые шумные начали расходиться. Я нашёл на полу Лёшин телефон — Артур выбросил его, когда обыскивал друга, — и не стал включать. У меня дрожали пальцы.

У порога стояли чужие туфли, оставленные впопыхах. Вика собирала стаканы со стола так, будто можно было вернуть хозяина, если привести дом в порядок до утра. Я поднял один стакан и поставил обратно: снизу к стеклу прилипла бумажка с нацарапанным Лёшей «не трогать, опыт». Даже здесь он ухитрился оставить предупреждение, которое я заметил слишком поздно. Вика забрала стакан из моих рук и сказала, что запись с камер сохранилась. Это было немного, но это уже было чем-то, что мы могли сделать для него.

Когда в дверь снова позвонили, мы с Викой переглянулись. Я не открыл сразу. За стеклом стояли трое в обычной одежде: мужчина с коротко стриженными волосами, высокий темнокожий человек рядом и невысокая женщина с внимательным лицом. Мужчина показал ладони.

Я проверил двор через боковое окно. Там не было второго фургона и людей за оградой, но после Лёшиной комнаты эта проверка не успокаивала. Вика отступила в прихожую с сохранённой записью у себя на устройстве. Если незнакомцы хотели забрать её, у неё оставалось хотя бы имя каждого, кто уже вошёл в дом.

— Меня зовут Питер. Это Джозеф и Этлин. Мы пришли из-за запроса к архиву Нежевского. Люди, забравшие Алексея, представились сотрудниками СОБ?

— Да.

Питер достал устройство связи и показал ответ на официальный запрос. Ни одного наряда по этому адресу не отправляли. Этлин посмотрела на запись, которую мы успели выгрузить, и назвала высокого мужчину Сэмом.

— Мы опоздали, — тихо сказала она. — Они взяли не того.

Я открыл дверь на цепочку.

— Кого им надо было взять?

Питер взглянул на меня, затем на Вику. На маленьком индикаторе в его руке загорелась последовательность огней; он быстро закрыл экран ладонью.

— Это разговор не у порога. Если вы тот, кого мы ищем, они вернутся. Я могу предложить безопасное место и ответы, которые у нас есть. Решение ваше.

— А Лёша?

— Мы будем искать его. Я не обещаю того, чего не могу сделать сегодня.

Вика вышла ко мне из-за двери.

— Я видела их лица. И я не поеду никуда, пока не узнаю, что будет с ним и с твоим отцом.

Я повернулся к ней. Она говорила не потому, что боялась остаться одна: она не хотела, чтобы другие решали за неё. Питер дал адрес, по которому работала официальная служба, и подождал, пока мы проверим сообщение об отсутствии наряда. Потом показал короткую запись нападения на другую инженерную группу. На ней Сэм и Артур уводили людей под тем же предлогом.

— Отца тоже нужно предупредить, — сказал Питер. — Если найдут вас, проверят семью.

— Я пойду к нему сам.

В доме стало тихо. Синий танцор замер в углу, ожидая нового музыкального сигнала. Я отключил питание, оставил Лёшин телефон в экранированном пакете, который дала Этлин, и вышел вслед за остальными. Дом после нас закрыла Вика: она знала, где Лёша прятал запасной ключ.

Глава 6. Дорога в неизвестность

Отец не поверил ни одному моему слову о лотерее. Я разбудил его перед рассветом, стоя на пороге спальни с дорожной сумкой, которую собрал за три минуты, и объявил, что мы должны уехать: будто бы я выиграл деньги и нас уже ждала машина. Он сел на кровати и посмотрел на часы. Мне самому стало стыдно за выдумку прежде, чем он успел ответить.

— Если это шутка, Андрей, у меня смена через четыре часа.

— Это не шутка. Нас ищут люди, которые похитили Лёшу.

— За что?

— Я попросил его найти одного человека.

За окном фургон стоял без света. Питер остался снаружи; он обещал не входить в дом, пока отец сам не согласится. Я понимал, как всё выглядело: сын среди ночи, незнакомая машина, история, от которой любую разумную беседу следует закончить вызовом врача.

— Они уже взяли не того, — сказал я и показал запись с ворот Лёшиного дома. — Машина без номера. Полиция подтвердила, что этих людей не посылала. Мы можем остаться, вызвать наряд и ждать. Только наряд приедет позже них.

Отец долго смотрел на экран. Потом вернул мне устройство.

— Что ты мне не договариваешь?

— Почти всё. И это моя вина. По дороге расскажу, если ты поедешь.

Он взял пальто и лекарство из ящика тумбы. У двери оглянулся на семейную фотографию, висевшую над выключателем: мать держала меня за плечи, а я был слишком маленьким, чтобы дотянуться до края кадра. Отец не снял фотографию. Я тоже.

Когда фургон выехал из города, я рассказал ему о магазине и о Нежевском. Начал с письма, потом вернулся к оплачиваемому опыту, таблеткам, человеку с прибором и взрыву. Отец несколько раз перебивал. Вика молчала; я видел её отражение в тёмном стекле напротив. Питер слушал без подсказок.

— Ты говоришь, что был взрослым, когда мы с матерью принесли тебя домой? — спросил отец.

Я кивнул. Фраза «это был не я» не подходила ни к тому, что я чувствовал, ни к тому, что видел на нашей фотографии.

— Я не знаю, как это произошло. Я помню её руку у меня на спине, когда мне было четыре. Помню, как она думала, будто потеряла чек на мою первую школьную форму, а потом нашла его в коробке из-под чая. Об этом мы никогда тебе не рассказывали: она боялась, что ты станешь смеяться над её привычкой всё прятать.

— А ты-то откуда знаешь?

— Я стоял рядом, когда она убирала чек. Тогда ты принёс ей липовую ветку с улицы. Она поставила её в бутылку из-под молока, потому что вазы не нашла.

Он отвернулся к окну. Ещё несколько минут фургон гудел по шоссе, и никто не говорил. Мне хотелось сообщить ему точную дату того утра. Хотелось доказать, что я действительно его сын — хотя само доказательство могло говорить обратное.

— Если ты всё помнишь, — наконец спросил он, — ты помнишь, когда перестал быть нашим ребёнком?

— Такого дня не было, — сказал я. — Я был им с самого начала, только знал ещё что-то, чего ребёнок знать не должен.

— Мне нужно время.

— Мне тоже.

Питер не вмешался. Вика позже незаметно коснулась моей ладони. Я не попытался объяснить ей, что со мной всё в порядке.

Проснулся я от того, что она спала на моём плече. Фургон остановился на улице, по которой ветер перекачивал жёлтые листья. Дома стояли с тёмными окнами, за одним фасадом виднелся пустой каркас бывшего магазина. На стене остановки висела выцветшая схема маршрутов; ни одна из линий больше не действовала.

— Курахово, — сказал Питер. — Когда-то сюда ходили поезда каждый час.

Отец вышел следом за нами и изучил глубокие вмятины на ограждении. Кто-то когда-то пытался его снести. Питер не стал пересказывать историю города; он показал нам путь к дому с облупившейся дверью. Внутри пахло пылью, старой краской и чужим костром. Только маленькая комната в глубине была чистой. Питер приложил ключ к скрытому замку в полу. Люк открылся без скрипа.

— Это временно, — сказал он отцу.

— Все места, куда попадаешь без вещей, временные, — ответил Родион.

Под землёй обнаружился зал с невысоким потолком и колоннами. На рабочих столах горели мониторы, у дальнего края дрожала полоса солнечного света из вентиляционного канала. Двое молодых людей повернулись к нам от экранов. Один, Тайлер, сразу начал спрашивать Питера о записи дома Лёши; второй, Крис, уже собирал на экране её копию.

— Камеры вокруг участка сейчас чистые, — сказал Крис. — Слова «чистые» хватит на ближайшие десять минут, не больше.

Этлин отвела отца к свободной комнате, показала, где лежат вода и аптечка. На ней не было белого халата; она работала со связью и медицинскими наборами с одинаково уверенными движениями. Джозеф исчез в коридоре разгружать сумки. Я остался в зале, следя за тем, как Тайлер накладывал друг на друга две записи с ворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.